

Сон Ж.Г.
Москва, Россия

НАПРЯЖЕННАЯ ОБСТАНОВКА НА СОВЕТСКО-МАНЬЧЖУРСКОЙ ГРАНИЦЕ (1935 – 1936)

Subject: Zhanna G. Son. *The tense situation on the Soviet-Manchurian border (1935 - 1936)*

Abstract: In the early 1930s the military threat in the Far East was continuously growing. The plans for preparing war against the USSR were the main elements of the Japanese military policy. Anti- soviet propaganda overflowed both Japan and Korea, and had an openly hysterical character. The military conflict at the Lake Hassan in July 24, 1938, unleashed by the Japanese side, became apogee of that hysteria. Information war in the Soviet Union, directed against Japan, had its results. In particular, the deportation of Koreans from the territory of Far East in 1937 can be considered "an unarmed action". This report based on declassified materials of the Russian State Military Archives presents the analysis of the situation at the Soviet-Manchurian border in 1935 - 1936 on the eve of events outlined.

Keywords: Koreans, military threat, the Soviet- Manchuria border, information and ideological war

Тақырып: Ж.Г.Сон. Кеңес – Маньчжурия шекарасындағы кернеулі жағдай (1935 – 1936)

Түйін: 1930-жылдардың басында Қыыр Шығыстагы әскери қауіп үздіксіз өсті. ССРО-ға қарсы соғысқа әзірлену жоспарлары жапон әскери саясатының негізгі элементтерінің бірі болып табылды. Кеңес үкіметіне қарсы үгіт-насихат шарасы Жапонияда, оған қоса Кореяда да жүргізілді және ол ашық сипатта болды. Жапон тараптынан басталған (1938 жылдың 24 шілдесі) Хасан қолі ауданындағы қарулы дау бұл келеңсіз жағдайдағы шарықтау шегі болатынды. Кеңес Одағының Жапонияға қарсы бағытталған ақпараттық соғысы өз нәтижелерін берді, әсіресе «қаруысыз акция» ретінде Қыыр шығыс аумағынан (1937 жылды) қаріс тұрғындарын жер аударуды санауга болады. Бұл туралы Ресей мемлекеттік әскери мұрагатының құтіясы ашылған материалдарында көрсетілген Кеңес - маньчжурия шекарасында оқиғаларға жасалған талдауда (1935-1936) айтылған.

Кеңес одагы мен Жапания арасындағы қарулы текетіресте ақпараттық- идеологиялық оғыс улкен рөл ойнады. Ол ашық қарулы қақтығыстан біраз уақыт бұрын басталған еді. Тұрмыс жағдайлары төмен тұрғындар тұратын жеріне, үлтіна қарамастан бұл соғыстың құралына айналды. Бейкүнә адамдарды айыптаудың, жазалау тәсілдерінің, құйтырқы әрекеттердің шегі болмады. Бұл жынысқы әрекеттердің қаншалықты дәрежеде қолданылғандығын анықтау мүмкін емес шығар. Осы мемлекеттердің ешқайсында халықтың заңды құқықтары ескерілмеді.

Өзекті сөздер: Корей елі, әскери текетірес, Кеңес - маньчжурия шекарасы, ақпараттық- идеологиялық соғыс

1920 – 1930-е годы являются одним из сложных и трагических периодов в мировой истории, как для России, так и для Кореи. Для России – это Первая мировая война, революции, Гражданская война, война против интервентов, послевоенная разруха, начало строительства социалистического государства. Для Кореи – это аннексия Корейского полуострова в состав Японской империи, Первомартовское движение за независимость Кореи, ужесточение режима японской военщины, национально-освободительная борьба внутри и вне страны, вынужденная миграция корейского народа.

Для объективного освещения истории советских (российских) корейцев, а также истории Кореи исследуемого периода, необходимо определить их роль и место в историческом процессе двух государств.

Безусловно, необходим и анализ советско-японских отношений, мирный период которых длился с 1925 по 1931 год. Военная угроза на Дальнем Востоке непрерывно росла. Японские притязания получили конкретное воплощение в разработанном японским генштабом плане военных действий против СССР («Оцу»)[1, с.9]. С 1931 года увеличивалась численность группировки японских войск в непосредственной близости от советских границ.

Изменение военно-политической обстановки на Дальнем Востоке требовало от Советского Союза наращивания военного присутствия в регионе. Кризис наступил в 1931 году,

после вторжения Японии на территорию Маньчжурии. Дипломатические отношения между СССР и Японией были напряженены до предела. Народный комиссар обороны СССР К.Е. Ворошилов 22 февраля 1933 года отметил позитивные шаги по нормализации отношений с европейскими державами, «недавно подписанные и утвержденные пакты о ненападении с Польшей и Францией», в то же время заявил: «Если таким образом можно говорить о заметном улучшении положения на наших западных границах, Восток (я имею в виду Дальний Восток) продолжает оставаться участком, требующим неослабного внимания всей нашей страны» [2, Ворошилов К.Е. 1937, с. 539].

Военное правительство Японии, вынашивая планы военного нападения на Советский Союз, заключило 25 ноября 1936 г. Антикоминтерновский пакт с Германией. Его сопровождало секретное соглашение, где в качестве главного противника обеих стран был назван Союз ССР. Стороны обязывались «не заключать с СССР никаких политических договоров, противоречащих духу данного соглашения» [3, с.57].

Таким образом, военная угроза со стороны Японии непрерывно росла. На протяжении 1930-х гг. планы подготовки войны против СССР являлись одним из основных элементов японской военной политики. Антисоветская пропаганда захлестнула как Японию, так и Корею, и носила откровенно истерический характер.

Апогеем военной истерии стал вооруженный конфликт в районе оз. Хасан (24 июля 1938 г.), развязанный японской стороной. Однако со стороны Союза ССР «невооруженной акцией», предпринятой против Японии можно считать депортацию корейского населения с территории Дальнего Востока осенью 1937 года.

В данном сообщении представлен анализ обстановки на советско-маньчжурской границе (1935 – 1936) в преддверии двух международных событий. Поиски причин и объективных факторов позволяют описать историческую картину, охарактеризовать внешнеполитическую ситуацию на советском Дальнем Востоке, ответить на «больной вопрос», какова роль корейского народа, проживавшего по обе стороны границы.

Ухудшение дипломатических отношений между СССР и Японией привело к началу активной подготовки к войне на Дальнем Востоке. В результате предпринимаемых военно-политическим руководством Союза ССР мер количественное превосходство в личном составе, в боевой технике и вооружении на Дальнем Востоке оставалось на стороне Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии (ОКДВА).

Отсутствие четкой правовой базы, регулирующей территориальные отношения Советского Союза и Маньчжуко-Го, а также ужесточение позиции командования Квантунской армии, контролирующей пограничную и таможенную службы в Маньчжурии, способствовали обострению обстановки на государственной границе.

С начала 1930-х гг. участились провокации на советско-маньчжурской границе. Японские власти, захватившие Маньчжурию, фактически открыто провоцировали советских пограничников на вооруженные конфликты. В Москву регулярно в течение 1934 – 1937 гг. поступали спецсообщения из агентурных резиденций о возможном нападении Японии на СССР, подкрепленные аналитическими докладами, добытыми у военных атташе Японии [4, с.482 – 489].

Намерения Японии были выявлены в 1936 г. на основании данных оперативной разработки нескольких японских разведчиков. Через агентов, завербованных среди советских граждан, японская спецслужба получала точные данные о дислокации и численности частей Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии, военном потенциале Тихоокеанского флота, производственных мощностях предприятий оборонной промышленности. По сравнению со спецслужбами других государств Япония организовала более эффективную работу по изучению СССР [4, с.33].

Вдоль границ советского государства приказом штаба Квантунской армии были организованы японские военные миссии (ЯВМ), которые являлись одновременно и разведцентрами. Главная из них находилась в Харбине. Каждая миссия руководила резидентурами, созданными для непосредственной работы по заброске агентуры. Так, Муданцзянская, Хун-

чунская, Минаньская ЯВМ имели сеть, состоящую из 13 резидентур. Для того чтобы законспирировать разведывательные пункты от советской разведки и контрразведки, использовались различные прикрытия. Например, морская ЯВМ в городе Сейсине базировалась под вывеской «Опытная станция рыбной промышленности» [4].

С середины 1935 г. участились нарушения на государственной границе. Так, осенью в 15 км от заставы «Петровка» пограничный наряд заметил двух японцев, которые пытались подключиться к линии связи, солдат был убит, а унтер-офицер — задержан, у нарушителей были захвачены винтовка и ручной пулемёт. 12 октября 1935 года отряд японцев атаковал заставу «Волынка», погиб пограничник В. Котельников [5, с. 366—367].

30 января 1936 года две японо-маньчжурские роты пересекли границу в Мещеряковой пади и на 1,5 км углубились на территорию СССР, прежде чем были оттеснены пограничниками. Потери составили 31 маньчжурских солдат и японских офицеров убитыми и 23 ранеными, а также 4 убитых и несколько раненых советских пограничников [5].

24 ноября 1936 г. конно-пеший отряд из 60 японцев пересёк границу в районе Гродеково. Отряд попал под пулемётный огонь советских пограничников и отступил, потеряв 18 солдат убитыми и 7 ранеными, 8 трупов осталось на советской территории. 26 ноября 1936 года трое японцев пересекли границу и начали топографическую съёмку местности с вершины Павловой сопки, при попытке их задержания с сопредельной территории открыли огонь пулемёты и артиллерийское орудие, погибли три советских пограничника. В 1936 году на участке заставы «Ханси» японские солдаты захватили высоту Малая Чертова и возвели на ней доты [5].

В мае 1937 г. в 2 км от границы пограничный наряд вновь заметил японцев, пытавшихся подключиться к линии связи, был застрелен японский солдат, захвачены шесть мотков полевого телефонного кабеля, кусочки, шесть киркомотыг. 28 октября 1937 г. на высоте 460,1 м пограничный наряд заставы «Пакшехори» обнаружил два открытых окопа, обнесенных проволочным заграждением. Из окопов открыли огонь, в перестрелке был ранен старший наряда лейтенант А. Махалин и убиты два японских солдата [5].

15 июля 1938 г. пограничный наряд заметил на вершине сопки Заозёрная группу из пяти японцев, проводивших рекогносцировку и фотосъёмку местности, при попытке задержания был застрелен японский разведчик Мацусима (при нем обнаружили оружие, бинокль, фотоаппарат и карты советской территории), остальные скрылись [5].

В общей сложности, с 1936 г. до начала Хасанских событий в июле 1938 г. японские, и маньчжурские силы совершили 231 нарушение границы, в 35 случаях они вылились в крупные боевые столкновения. Из этого количества в период с начала 1938 г. до начала боев у озера Хасан было совершено 124 случая нарушения границы по суше и 40 случаев вторжения самолётов в воздушное пространство [5].

В условиях военного противостояния со стороны Союза ССР также отправлялись разведывательные и диверсионные группы в Маньчжурию в районы дислокации японских войск. Например, известен инцидент, произошедший в июле 1932 г., когда японскими властями были арестованы во время диверсионного акта советские корейцы в количестве четырех человек. По заданию Владивостокского ГПУ они должны были взорвать несколько мостов на территории Маньчжурии [6].

Пограничная служба Маньчжоу-Го, обвиняя в происходящем Советский Союз и МНР, также фиксировали различные нарушения границы с их стороны: в 1935 г. — 176 и в 1936 — 152. В МИД Японии фигурировали следующие цифры подобных нарушений границы: в 1935 г. — 136 и в 1936 — 203 [1, с.17-18].

Напряженная обстановка усиливала и обычными гражданами, регулярно переходившими советско-маньчжурскую границу. Японские власти засыпали своих агентов из бедных слоев населения для агитации среди советских корейцев вернуться на родину. Будучи осведомленными о внутриполитических процессах, происходивших в СССР, таких как, коллективизация, раскулачивание, репрессии, тяжелый экономический кризис и бедственное положение крестьян, Япония активно проводила пропагандистскую политику против советской власти.

Жесткая коллективизация и раскулачивание населения, коснулись и корейцев. Эти меры вынудили многих покинуть насиженные места. Например, из Шкотовского района ушло 600 семей, работавших на рисовых плантациях [7, с.83-85]. Многие корейцы бежали за границу. За период с 1 января по 1 мая 1930 г., по сведениям ОГПУ, таковых было 1285 человек [7].

Начало бегства в октябре – декабре 1929 г. характеризовалось преобладанием представителей зажиточных хозяйств, подвергнутых взысканиям за не сдачу хлебных излишков. Но уже в следующем году за границу уходили главным образом безземельные бедняки (поодиночке и семьями), испытавшие на себе «перегибы» коллективизации. Об этом свидетельствуют следующие цифры: в январе – апреле 1930 г. бежало кулаков – 260, середняков – 344, бедняков – 641, батраков – 4 [8, с.74]. Судьба вышеперечисленных людей неизвестна, вряд ли их выпустили на свободу. Архивные материалы пока не выявлены, можно предположить, что они были отправлены в концлагеря.

Среди беглецов встречались и такие, кого власти считали своей политической опорой, это комсомольцы и члены сельсоветов. Больше всего корейцев ушло из Сучанского, Посытского и Шкотовского районов Владивостокского округа. Часть из них задерживалась на границе советской погранохраной. Отмечались также единичные случаи возвращения корейцев из-за границы в связи с тем, что там их положение оказалось еще хуже, чем в России.

Рассекреченные архивные материалы РГВА, в частности, Информационные сводки Военного Трибунала и Военной Прокуратуры ОКДВА за 1935 – 1936 гг. содержат информацию о задержании на государственной границе людей разной национальности (русские, корейцы, китайцы). В основном это были представители деклассированных слоев населения, переходивших границу из одного политического режима в другой и обратно, гонимые нуждой, голодом и страхом за свою жизнь. Японские власти за плату посыпали контрабандистов на советскую территорию с целью возвращения корейцев на родину.

Советская сторона принимала ответные меры. Нарушители границы подвергались аресту и обвинялись в шпионаже в пользу Японии, независимо от национальности, гражданства и социального статуса.

Предлагаемые к обсуждению архивные документы однообразны по содержанию, меняются фамилии, имена, но общий смысл один – все граждане, пересекшие советскую границу, являются японскими шпионами и диверсантами. Фактически без каких-либо обоснованных фактов, изобличающих их в шпионаже, измене родины, диверсиях нарушители границы арестовывались и предавались суду.

Например, в сводке под грифом «Совершенно секретно» от 25 декабря 1935 г., представленной командующему ОКДВА комкору М. Сантурскому, составленное председателем Военного Трибунала ОКДВА Б. Антоновым и Военным Прокурором ОКДВА В. Малкисом, зафиксировано, что в ноябре 1935 г. было рассмотрено 8 спецдел и осуждено 16 человек, из них:

ОСУЖДЕНЫ:

Ким Ден Гук, Пак Ден Сик, Ли Сун Мук – все трое, заявившие себя гражданами Маньчжурии, состоят на службе японских разведывательных органов, указанные лица в 1934 – 1935 гг. систематически переходили границу в СССР в целях шпионажа.

Ни Василий, кореец, гражданин СССР, рождения 1902 г., беспартийный, проживая в г. Владивостоке, содержал шпионскую явочную квартиру, где останавливались приходившие в СССР, названные выше японские шпионы.

Пак Ден Сик и Ли Сун Мук приговорены к расстрелу, а **Ким Ден Гук и Ни Василий** – десяти годам лишения свободы [9, д.75, л.47-48].

Подобных спецдел по данным Военных Прокуратур (ОКДВА, ТОФ, Уссурийской железной дороги) за 1935 год в производстве находилось 601 дело на 1191 человек, из них завершены в 1935 г. и получили окончательное направление 408 дел на 910 человек [9, д.95, л.38-42]. В годовом отчетном докладе помощником прокурора СССР В. Малкисом, отмечается, что наибольшее количество дел рассмотрено Военной Прокуратурой ОКДВА – 295 дел на 593 человека и Военной Прокуратурой ТОФ – 155 дел на 295 человек. Данные о завер-

шенных следствием НКВД и рассмотренных Военной Прокуратурой дел сведены в следующую таблицу:

п/п		Количество дел	Количество привлеченных человек
1	Передано в Военные Трибуналы для заслушания в судебных заседаниях	196	412
2	Направлено на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР	71	97
3	Передано по подсудности в общие судебные органы из-за недоказанности обвинения в измене родине, шпионаже, диверсии и терактах	104	183
4	Прекращено полностью	78	191
5	Другие направления	19	27
	Итого	468	910

Выводы В. Малкиса сводятся к следующему, что в 1935 г. 191 человек были арестованы по обвинению в измене родине, шпионаже, диверсии и терактах. Их вина следствием не была подтверждена, и обвиняемые были освобождены. 183 человека в результате следствия были виновны в таких преступлениях как контрабанда, переход границы, злостное хулиганство, злоупотребления по службе и т.д. В связи с этим, дела были переданы в общие судебные органы [9].

412 человек были осуждены Военными Трибуналами по ДВК. По характеру совершенных преступлений осужденные Военной Прокуратурой и переданные суду Военных Трибуналов распределяются следующим образом: за измену родине (ст. 58-1) – 149 человек; за шпионаж (ст. 58-6) – 153; за террор (ст. 58-8) – 59; за диверсию (ст. 58-9) – 7; по совокупности за шпионаж и диверсию (ст. 58-6 и 58-9) – 11; всего: 412 человек [9].

Установка сверху, о необходимости поиска японских шпионов, накладывала определенный отпечаток на руководство органов Военной Прокуратуры. В частности, выводы В. Малкиса о проделанной работе оправдывают малое количество выявленных «шпионов» и заведомо предопределяют слабую работу своего ведомства: «% оправданных обвиняемых, прекращенных и возвращенных для доследования дел очень высок и свидетельствует в первую очередь о недочетах следствия и надзора Военной Прокуратуры» [9].

Далее в документе отмечается, что национальный состав осужденных всеми Военными Прокуратурами ДВК представлял: русских – 160 человек; корейцев – 80; китайцев – 28; японцев – 2; немцев – 4; поляков – 2; других – 3 человека. Арестованные были гражданами СССР – 234, иностранцами – 16, не установленные – 99 человек. По социальному положению: служащих – 34; рабочих – 32; колхозников – 38; единоличников – 63; кулаков – 31; прочих (в том числе не установленные лица) – 81 человек.

Военными Трибуналами ДВК в 1935 г. были приговорены к расстрелу – 107 человек, к 10 годам лишения свободы – 74, от 5 до 10 лет – 57, от 3 до 5 лет – 21, до 3 лет – 3, к условному лишению свободы – 2 человека (женщины, многодетные матери), к иным мерам наказания – 9 человек. Итого – 279 человек.

В 1935 г. Военной Коллегией Верховного суда СССР были вынесены приговоры в отношении 166 человек. Из них: к расстрелу приговорены 108 человек, расстрел заменен лишением свободы – 24, снижен срок лишения свободы – 22, прекращены дела – 4, отменено приговоров – 8, из них в отношении 1 человека за мягкостью, в отношении 1 человека предложено дело доследовать и в отношении 6 человек предложено пересмотреть дела в судебных заседаниях [9].

В Особое Совещание НКВД СССР были направлены дела на 94 человека, к отчетному периоду было рассмотрено дел на 60 человек. Из них: 30 человек – осуждены к 5 годам ли-

шения свободы, 13 – от 3 до 5 лет, 7 – к высылке, 1 – к другим наказаниям, прекращено дело – 3, возвращено на доследование – 1, возвращено для передачи Военному Трибуналу – 1, возвращено для передачи в Спецколлегию Крайсуда – 4 человека.

Информационные сводки за 1936 год об арестованных выявлены за январь, февраль и декабрь месяцы. В январе 1936 г. Военным Трибуналом ОКДВА было рассмотрено 12 спешдел, по которым было осуждено 46 человек, из них 40 корейцев [9, д. 95, л. 19 – 27]. В феврале 1936 г. было задержано при переходе границы 22 корейца, в декабре – 11 человек, из них корейцев – 7, китайцев – 2, русских – 2 человека.

Двойственное отношение советской власти к корейскому населению ярко проявилось в средствах массовой информации. С одной стороны, корейцы рассматривались как самые активные строители социализма на Дальнем Востоке. Фактически в каждом номере газет «Красное Знамя» и «Тихookeанская звезда» помещались статьи и очерки о передовиках производства, сельского хозяйства и стахановцах. В них делается акцент на том, что советская власть представила корейцам свободу, землю, которых они не имели на своей родине в Корее.

В ноябре 1935 г. в «Тихookeанской звезде» опубликована статья о том, что к 18-ой годовщине Октября киностудия «Мосфильм» выпустила новый фильм режиссера А.П. Довженко «Аэроград», сценарий фильма был написан А.Фадеевым. Фильм посвящен героическим революционным событиям на Дальнем Востоке, одним из главных героев фильма показан начальник корейского партизанского отряда Цой[10]. Известно, что немаловажную роль в освобождении русского Дальнего Востока сыграли корейские партизанские отряды.

С другой стороны, в июле 1934 г. в Москве прошел закрытый судебный процесс в Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР по делу Ким Заена и других агентов японской шпионско-диверсионной организации. Военной Коллегией были приговорены по этому делу 23 человека, из них: 8 – к высшей мере наказания – расстрелу, 14 – к лишению свободы на 10 лет каждый и один человек – к лишению свободы на 5 лет [4, с.545].

На судебном заседании все подсудимые подтвердили данные ими на предварительном следствии показания, полностью признав свою виновность. В числе приговоренных к расстрелу – Ким Заен (гражданин СССР), на протяжении 10 лет, являвшийся активным шпионом-диверсантом и возглавлявший с 1932 г. японскую разведывательно-диверсионную организацию на железнодорожном транспорте [4].

Его ближайшими помощниками оказались – советские государственные служащие – А.А. Сластенин, С.В. Александровский – инженеры паровозного управления НКПС, начальник депо ст. Москва-Сортировочная М.-Казанской железной дороги В.В. Козлов, его заместитель Н.М. Мишин, начальник технического отдела Муромского паровозоремонтного завода Л.Т. Свирибов, начальник вокзала ст. Москва-Пассажирская М.-Казанской железной дороги Е.С. Боровский, а также член ВКП (б) – машинист А.В. Музанов. Вышеперечисленные обвиняемые оказались непосредственными организаторами и, якобы, целенаправленно проводили на протяжении ряда лет шпионско-диверсионную работу на железнодорожном транспорте и имели свою агентуру [4, с.545]. С разрешения И.В. Сталина краткое сообщение об этом судебном процессе появляется в газете «Правда» и в дальневосточных газетах [11;12].

С 28 января по 4 февраля 1936 г. в «Тихookeанской звезде» печатается материал о процессе шпионов и диверсантов. В течение недели в сознание граждан ДВК и Союза ССР активно насаждается информация о том, что 20 корейцев и один русский-белогвардец по поручению «некоего государства» проводили разведывательную работу на территории советского Дальнего Востока. 25 января 1936 г. военным трибуналом ОКДВА оглашен приговор, в котором Ли Шен До, Ким И Себ, Семена Георгий, Пак Ен Ха, Тю Хва Сун приговорены к расстрелу, остальные – к разным срокам заключения в ИТЛ от 3 до 10 лет [9, д.75; 13; 14].

Объективным доказательством фальсификации обвинений в шпионаже служит отсутствие в дела арестованных соответствующей доказательной базы. Как правило, кроме признательных показаний самого арестованного и показаний на него других лиц, ничего нет. Следует отметить, что после этого процесса количество перебежчиков и нарушителей грани-

цы уменьшилось. В декабре 1936 г. Военным Трибуналом ОКДВА было заслушано 5 спецдел, по которым осуждено 11 человек [9, д.119, л.24].

Обращают на себя внимание следующие факты, зафиксированные в документах, о том, что японцы часто использовали и китайцев с целью агитации советских корейцев вернуться на родину. Например, Фан До Гу, 1896 г.р., китаец по национальности, по заданию японской военной миссии, систематически нелегально прибывал в СССР, с целью склонять к уходу за кордон советских граждан, им было переправлено до 20-ти человек. 27 февраля 1936 г. Фан До Гу был задержан на границе в момент переправы через границу семьи гражданина Пак Гин Ха. За увод советских граждан за границу, Фан До Гу получал от японской военной миссии вознаграждение. Приговорен к 10 годам лишения свободы.

В апреле 1937 г. «Правда» публикует статью И. Володина «Иностранный шпионаж на советском Дальнем Востоке» [15], в июле «Известия» выходит статью К. Кирилловича «Шпионы некоей державы» [16]. Обе статьи содержат информацию о готовящейся войне Японии с СССР, с этой целью на ДВК ею активно проводятся разведывательные и диверсионные операции против СССР и используются при этом корейцы.

В июне 1937 г. «Известия» печатают статью Татьяны Тэсс «На Дальнем Востоке». В ней дается информация о книге П. Павленко «На Востоке», по мотивам которой, был снят и художественный фильм. В этом произведении одна из главных ролей принадлежит корейцу по фамилии Цой, только роль его совершенно противоположна предыдущей, он – японский шпион. Характеристика этого героя следующая: «Как развернулся Цой – этот «замученный маленький человечек», который еще недавно приплыл на наш берег! Артист Свердлин, играющий Цоя, показал подлинно блестящее мастерство. Два человека, два образа, идущие рядом, – доверчивый партизан и опаснейший японский шпион...» [17]. Фактически фильм и статья Т. Тэсс в лице Цоя обвиняют всех советских корейцев в шпионаже в пользу Японии.

Известно, что и японцы использовали всевозможные методы, прибегая к различным провокациям антирусского характера, обнаруживая при этом прекрасное знание «больших мест» в русско-корейских отношениях. В те годы японские официальные круги активнопропагандировали теорию паназиатизма – о родственных связях азиатских народов и активно использовали ее по отношению к корейцам. Она была направлена на разжигание межнациональной розни между корейцами и русскими, на их отчуждение друг от друга. Целям японских интервентов отвечала также и политика, направленная на нравственное разложение определенных слоев корейского населения, рассчитанная на подрыв изнутри единства корейской общины.

В военном противостоянии двух стран СССР и Японии немаловажную роль играла информационно-идеологическая война, начавшаяся задолго до наступления открытых вооруженных столкновений. Главным орудием в этой войне оказались беднейшие слои населения, деклассированные элементы, независимо от национальности и места проживания. Изощренные методы и способы обвинения ни в чем не повинных людей не имели границ. Вряд ли можно будет определить степень использования этого орудия. Фактически ни в одном из этих государств народные массы, не имели правовой защиты, бесправие их было невыносимо тяжелым.

В этой идеологической войне «невооруженным» нападением со стороны Союза ССР на Японию можно считать депортацию всего корейского населения с территории Дальнего Востока (осень 1937 г.). Корейцы стали орудием в руках И. Сталина в противоборстве с Японией на Дальнем Востоке, главной целью которой в союзе с Германией было уничтожение СССР.

Список использованной литературы:

1. Мильбах В.С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937 – 1938 гг. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 345 с.
2. Правда. 22 февраля 1933.

3. Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке / Авт.-сост. А.А. Кошкин. – М.: Вече, 2010. – С. 464.
4. Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 г. / Под ред. Яковлева А.Н.; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М.: МФД, 2003. – 912 с.
5. Советская военная энциклопедия. М., 1980. Т. 8. – С. 688.
6. Сон Ж.Г. Советско-японские отношения в 1920 – 1930-е годы: судьбы корейцев // Корейский полуостров. Уроки истории. Доклады, представленные в XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 2010. С. 125 – 135.
7. Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Третья волна иммиграции: «Корейский вопрос» в Приморской деревне в 20 – 30-е годы XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 1996. № 2.
8. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. / Сост.: А.С. Вашук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королева, Г.Б. Дудченко, Л.А. Герасимова. – Владивосток: Изд. ИИАЭ ДВО РАН, 2002. – 228 с.
9. РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 75, 95, 119.
10. Тихоокеанская звезда. 14 ноября 1935.
11. Правда. 27 июля 1934.
12. Красное знамя. 27 июля 1934.
13. Амурская правда. 20 января 1936.
14. Тихоокеанская звезда. 28 января – 4 февраля 1936 .
15. Правда. 23 апреля 1937.
16. Известия. 24 июля 1937.
17. Известия. 17 июня 1937.

Hailiguli Niyazi, Aliya Aerken
Urumqi, China

汉俄语形容词语法功能的比较

СРАВНЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Abstract: The grammar function of adjective is more or less the same with that in Chinese and Russian sentences except there are a great many differences can be attributive and predicate in the sentence, etc.

KeyWord: Chinese adjectives, Russian adjectives, grammatical functions, comparison

Түйін: Бұл мақалада қытай және орыс тілдеріндегі сын есімдердің грамматикалық функциясы салғастыра зерттелген. Сын есімдер бөлек сөз табы ретінде, сонымен қатар сөйлемде заттың сынын, сапасын білдіріп өзіндік роль атқарады. Мақалада екі тілдегі сын есімдердің ерекшеліктерін анын көрсеткен.

Әзекіті сездер: қытай және орыс тілдеріндегі сын есімдер, грамматикалық функциялары, салғастыра зерттепеу

Резюме: В статье рассматриваются результаты сопоставительного анализа грамматических функций имен прилагательных в китайском и русском языках. Выявлено, что имя прилагательное с точки зрения грамматических функций в двух языках имеет большие различия.

Ключевые слова: имя прилагательного китайского и русского языка, грамматические функции, сопоставительный анализ

一、汉俄语形容词概论

汉语和俄语都有形容词这一重要词类。作为一种词类，形容词是指描写人或事物特征和性质的词。

汉语形容词没有性、数、格范畴，也没有词尾。俄语形容词有性、数、格范畴，具有一套自己的词尾系统。俄语长尾形容词有-ый, -ая, -ое, -ые。如 новый (新的), новая, новое, новые。通常通过形态标志就可以确定一个形容词: новое имя (新名字), новая рубашка (新衬衫)。俄语形容词主要用来限定名词。

汉语界一般倾向于把限定名词和限定动词或另一副词的、表示特征的词统称为“形容词”，两者都是表